

УДК 821.111-3
ББК 84(7Сое)-44
В89

Yvonne Woon
My flawless life

Переводчик: Мария Торчинская
Редактор: Александра Горбачева

Вун, Ивонн.

В89 Моя безупречная жизнь / Ивонн Вун. — М.: Альпина
Пабlishер, 2024. — 368 с.

ISBN 978-5-9614-9190-6

Жизнь Ханы — мечта любой старшеклассницы: элитная частная школа, популярные друзья, роскошные вечеринки. Но все меняется, когда ее отца-сенатора обвиняют в страшном ДТП. Репутация Ханы рушится на глазах, а самые близкие бросают в трудную минуту.

Чтобы отвлечься от собственных проблем, она берется решать чужие. Хана улаживает щекотливые ситуации, о которых нельзя рассказать родителям, и хранит грязные секреты одноклассников.

Но однажды она получает необычное предложение от анонима — тайно помочь бывшей лучшей подруге с одним загадочным делом. Согласившись на авантюру, Хана не подозревает, что незнакомец ведет свою хитрую игру.

УДК 821.111-3
ББК 84(7Сое)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© 2023 by Yvonne Woon
This edition published by arrangement with Upstart Crow
Literary Group, Inc., and The Van Lear Agency LLC
Иллюстрация на обложке © Варя Щука, 2024
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Пабlishер», 2024

Моему отцу

Глава 1

Будьте так добры, представьте портретную галерею.

Комната оформлена в ярких, насыщенных тонах. Обои поклеены таким образом, что не видно стыков, и закрывают все стены сплошняком, как будто в помещении нет ни окон, ни дверей, ни входов, ни выходов. Люди, изображенные на картинах, стоят сложив руки на животе, сплетя пальцы в замок. От них исходит спокойная сила. Сила, которую когда-то заключили в рамы и повесили на стены. Сила, которая подчинила тебя своей воле; которая казалась мертвой, но была живее многих живых; мимо которой ты ходил каждый день, не догадываясь о том, что она здесь — наблюдает за тобой, направляет твои шаги.

Если бы меня попросили придумать образ, которым можно описать школу Святого Франциска, я бы выбрала именно этот. Не потому, что он хорошо передает атмосферу места, изобилующего богатыми наследниками из высших слоев общества, или заведения, насквозь пропитанного духом традиций, — хотя

нашей школе присуще и то и другое, — а потому, что все это лишь иллюзия.

Любой портрет — это иллюзия. Модель надевает свою лучшую одежду, изображает приятную, располагающую улыбку. Художник рисует плечи пошире, румянец поярче, наряд побогаче. Зритель, глядя на портрет, верит в его сходство с оригиналом, но все это — искажение реальности.

Приглядитесь повнимательнее. Вдруг заметите выдающие правду детали: муху на натюрморте, морщинку на безупречно гладкой коже, дерзкий мазок кистью, придавший блеск глазам.

А вы внимательно смотрите?

Когда мне на телефон пришло сообщение, я как раз была в школьной портретной галерее. Зал гудел голосами. Осенняя встреча выпускников была в самом разгаре. Предполагалось, что на этом вечере бывшие ученики расскажут старшеклассникам, куда они поступили и кем стали, но на самом деле главной повесткой мероприятия был сбор средств на нужды школы. Собственно говоря, любое событие, проходившее в Вашингтоне, округ Колумбия, представляло по своей сути сбор денег, нужно было только выяснить, кто дает, а кто — берет. В рейтинге престижных вечеринок встреча выпускников даже в таком учебном заведении, как школа Святого Франциска, занимала самые нижние строки, но мою семью давно перестали приглашать на какие бы то ни было общественные мероприятия, так что мне оставалось довольствоваться школьными тусовками.

— Как думаешь, на чем он разбогател? — спросил Адам, кивнув на один из портретов. — Нефть? Железные дороги?

— Газетный магнат, — сказала я.

— Откуда ты знаешь?

— Газета на полу возле его стула, — ответила я. — Черные пятна на большом и указательном пальцах. Искусство сплошь состоит из символов.

Он состроил скептическую гримасу, но, очевидно, мысленно согласился со мной.

Адам Голдман был одним из немногих друзей, которые у меня остались, если его вообще можно было назвать моим другом. Мы не встречались вне учебы, да и в школе почти не общались, поскольку он не хотел, чтобы нас видели вместе. Я делала вид, будто меня не беспокоит, что после случившегося бывшие друзья обходят меня стороной, как чумную. Хотя Адам не был членом нашей компании, он пересекался с ними — самыми популярными и влиятельными учениками школы Святого Франциска. Когда-то и я входила в их круг. Иногда меня злило, что у Адама есть возможность общаться с ними, а у меня — нет, но в основном я всегда была рада провести время в его компании, пусть даже совсем немного, пока никто не обращает на нас внимания.

— Ладно, бог с ними, с мертвыми. А вот как насчет этого? — Адам кивком указал на мужчину лет тридцати, который беседовал с Джессикой из волейбольной команды. На груди у него был бейдж с надписью «Марк, Дартмут». — По-моему, банкир.

— Недостаточно хорошо одет.

— Юридический консультант.

— Слишком добродушный. — Я присмотрелась внимательнее. — Он как будто хочет ей что-то продать. Я бы сказала, рекламщик.

Нас с Адамом сближало то, что мы оба занимались сбором информации. Держались на заднем плане, наблюдая за другими, разгадывая чужие тайны, но, на мой взгляд, у меня это выходило гораздо лучше.

— А что насчет нее? — спросил Адам, указывая на женщину, разговаривавшую с Рахулом с курсов повышения квалификации по математике. У нее на бейдже было написано: «Сара, Колумбия».

Я рассмотрела ее чистый белый костюм, обратила внимание, как она скрещивает руки, как кивает головой.

— Глава некоммерческой организации.

— Интересненько, — задумчиво пробормотал Адам. — Я бы сказал, генеральный директор компании.

— Директора ходят в черном. Главы благотворительных организаций — в белом.

— Точно? — с сомнением переспросил Адам.

— Скорее всего, нет, но моя теория звучит правдоподобно, ведь правда?

Адам привычным движением поправил очки. Ему нравилось изображать из себя культурного, хорошо образованного джентльмена. На мой взгляд, он был похож на журналиста пятидесятых годов — интеллигентный и элегантный. Большин-

ство наших одноклассников считали, что Адам выпендривается и прячется от современной жизни, а он был уверен — они просто ничего не смыслят в прекрасном. «Мужчинам все еще не позволено любить красивые вещи», — говорил Адам, и это его пристрастие к эстетике и желание ею себя окружить мне в нем очень нравились.

— Ну хорошо, а вон та? — спросил Адам, кивая на девушку, стоявшую рядом с мужчиной значительно старше себя. — Третья жена или дочь?

— Да ладно! — Я вытаращила на него глаза. — Дочь, конечно.

— С чего ты взяла?

— Они даже внешне похожи.

Адам прищурился, словно усиленно пытаюсь разглядеть девушку сквозь линзы очков. Я терпеливо ждала, хотя — единственная в школе — знала, что с его зрением все в порядке и носит он обычные стекла без диоптрий.

— Ты права, — произнес Адам наконец.

В этот момент мой телефон завибрировал. Пришло сообщение с незнакомого номера.

«У меня для тебя работа».

Странно. Я и раньше получала подобные сообщения, но не в такой формулировке — то были просьбы.

«Кто это?» — написала я в ответ.

«Не имеет значения».

Еще более странно.

«Я не беру заказы от незнакомых людей».

«На этот раз возьми».

Я пыталась подавить охватившее меня любопытство. Скорее всего, это был просто розыгрыш.

— Подожди минутку, — попросила я Адама.

— Очередная отчаявшаяся душа просит решить ее проблему?

— Когда-то и ты был такой же отчаявшейся душой, — напомнила я.

— Только не отчаявшейся, — возразил он.

— А мне вот иначе помнится.

Адам поправил очки.

— Так. Пошел налаживать связи. Если Сара из Колумбии окажется директором компании, с тебя информация.

— А если не окажется?

— Тогда информация с меня.

Он придал лицу приветливое выражение и направился к женщине. Несколько минут они мило беседовали, затем дама повернулась к фуршетному столу, и тогда Адам одними губами произнес:

— Ну ты крута.

Я дернула плечом и снова вернулась к телефону — точнее, к таинственному заказчику, утверждавшему, что я не отклоню его предложение.

«Почему ты так думаешь?» — написала я.

«Потому что это касается твоей лучшей подруги».

У меня сжалось сердце.

«У меня нет лучшей подруги».

«Раньше была».

Я видела ее на противоположной стороне зала — Люс Эррера, сияющий силуэт на фоне одного из портретов; ее профиль в картинной раме, словно она сама была частью полотна. Люс стояла среди друзей, все пятеро шептались о чем-то, и их лица, как одну из картин, подсвечивали светильники.

Наверное, она почувствовала на себе мой взгляд, потому что подняла голову — и на мгновение наши глаза встретились. Когда-то я знала ее лицо лучше, чем свое собственное, но теперь оно было непроницаемо — не лицо, а маска.

Я поспешно отвернулась. А еще через мгновение пришло новое сообщение:

«Не привлекай к себе внимание. Она не знает».

Я окаменела, внезапно осознав, что за мной наблюдают.

«Скажи, кто ты?» — не выдержала я.

«Не пугайся, пожалуйста».

Я внимательно осмотрела зал, мысленно перебирая присутствующих. Наш класс всегда ходил на встречи с выпускниками в полном составе. И в данный момент уткнувшихся в телефоны было столько, что вычислить моего собеседника казалось совершенно невозможным.

«Чего ты хочешь?»

«Хочу, чтобы ты проследила за Люс».

«Я не детектив».

«Но ты же решаешь чужие проблемы. А у Люс как раз есть проблема, и ей нужна помощь».

«Что ты имеешь в виду?»

«А это уже твоя задача. Выясни сама».

Я замерла в нерешительности, разрываясь между любопытством и подозрительностью.

«Я же сказала, что не принимаю заказы от незнакомых людей».

«Но меня ты знаешь».

Школа у нас небольшая, и, если мой таинственный заказчик сейчас в зале, я наверняка его знаю. Или ее. Но насколько хорошо мы знакомы? Кивали друг другу при случайной встрече или в самом деле когда-то дружили?

«Я не знаю твоего имени».

«Можешь звать меня Три».

Почему Три? Словно прочитав мои мысли, незнакомец прислал новое сообщение:

«Ты поймешь, когда доведешь дело до конца».

Я изумленно уставилась в экран, но, прежде чем успела ответить, пришло еще одно сообщение:

«Получишь за это пять тысяч долларов».

Я считала себя высококлассным специалистом, решающим проблемы высококлассных клиентов за соответствующую плату, но даже меня удивила такая большая сумма за одно дело.

«Почему же Люс сама меня не наймет?» — спросила я.

Прошло довольно много времени, и я уже подумала, что Три не ответит. Но тут на экране высветился текст:

«Узнаешь, когда закончишь дело».

Я размышляла, стоит ли писать ответ, когда вдруг заметила, что нужный мне мужчина, завершив разговор, подошел к столу с напитками, — я наблюдала за ним весь вечер, гадая, выдастся ли возможность поговорить. Сунув телефон в сумку, я сняла бейдж со своим именем и прицепила другой, затем подошла к мужчине.

— Привет, — сказала я, растянув губы в улыбке.

Он окинул меня взглядом и тоже заулыбался, явно довольный увиденным.

— Привет.

Незнакомец был моложав, приятной внешности, разве что чересчур коренаст. Если бы мне предложили угадать его род деятельности, я бы сказала, что он работает в финансовой сфере. На бейдже у него было написано: «Брендон, Пенсильванский университет».

— Мы знакомы? — спросил он, вращая в руке бокал с напитком.

— Не думаю, — ответила я.

Это была ложь. Мы действительно никогда не встречались, но, без сомнения, он не раз видел мое лицо, просто сейчас не мог вспомнить, где именно и как меня зовут. Такое случилось не впервые.

Он посмотрел на мой бейдж — «Хизер, старшие классы». Это было не мое имя.

— Ты уверена? У тебя такое знакомое лицо.

— Мне это часто говорят. Наверное, всему виной моя стандартная внешность.

Он довольно улыбнулся.

— Я бы так не сказал. — Похоже, мои слова только разогли в нем любопытство. — Ну, Хизер, и чем ты планируешь заняться после окончания школы Святого Франциска?

Он был лет на десять старше, но это не помешало ему заигрывать со мной. Мне стало противно. Я могла бы ответить честно — что мне не интересен флирт с похотливым мужиком, а разговаривая я с ним лишь потому, что таково мое задание, — но вместо этого сказала то, что он хотел услышать.

— Думаю отучиться на экономиста и заниматься финансами. Попробую получить степень магистра делового администрирования. Я слышала, в Пенсильванском университете отличная программа.

На его лице заиграла удивленная улыбка. Я угадала.

— Точно.

Мы немного поболтали. Я спрашивала его про работу и изображала искренний интерес, когда он бубнил про управление и диверсификацию. Поняв, что больше не в силах это слушать, я нацарапала свое фальшивое имя на салфетке и попросила у него визитку. Он с радостью дал ее мне, написав на обратной стороне личную электронную почту.

Подошел официант с подносом, полным закусок, и, пока Брендон выбирал мини-киш, я, пользуясь случаем, извинилась и ускользнула от него в толпу. Отойдя в сторону, где он не мог меня видеть, я сняла фальшивый бейдж, смяла и выкинула в мусорное ведро. Затем написала сообщение заказчице — той самой Хизер.

«Готово. Через пять минут в туалете?»

«Конечно», — ответила она.

Я сунула телефон в сумку и направилась к выходу из зала.

У того, чем я занималась, было несколько солидных названий — консультант по чрезвычайным ситуациям, например, или кризис-менеджер, — но я предпочитала простое и лаконичное «решала», так называли бы меня одноклассники, если бы конечно кто-то из них осмелился признаться, что обращался ко мне за помощью.

Ученикам школы Святого Франциска не нужен был человек, который подтянет их по какому-либо предмету или поможет составить резюме — эти вопросы решали их родители. Я же занималась более деликатными ситуациями, которые нельзя обсудить с мамой и папой. Меня просили восстановить разрушенную репутацию или прекратить распространение слухов. Я помогала хранить секреты, а если они уже просочились — замять дело. Короче говоря, решала разные проблемы, и делала это превосходно.

В туалете было пусто. Я взглянула на себя в зеркало. Окружающие говорили, что я выгляжу как Одри Хепберн — строго, но элегантно, в своих накрахмаленных белых рубашках и сшитых на заказ плащах. В них я чувствовала себя девушкой со старых черно-белых фотографий с видами Вашингтона. У меня сохранилась почти вся моя дизайнерская одежда, и я продолжала ее носить, хотя ходить было особо некуда. Вблизи было видно, что вещи поношенные, но я больше не могла позволить себе купить новые, поэтому обходилась тем, что есть.

Я стерла черное пятнышко под глазом — слегка перестаралась с подводкой сегодня вечером, но все равно вышло здорово. Такой дерзкий вид, словно чужое мнение волновало меня не больше смятого окурка в пепельнице.

Открылась дверь.

Хизер Хармонд была мало похожа на богатую наследницу. Внешне она не выглядела ни гламурной, ни обеспеченной, и, не зная ее фамилии, невозможно было догадаться, что ее прадедушка основал одно из крупнейших оборонных предприятий в стране. Хизер не была властной и уверенной в себе, как ее отец, или красивой, как мать. Она была тихой и робкой, почти ни с кем не дружила и вечно ходила по школе ссутулившись, съежившись, словно мечтала только об одном — чтобы все оставили ее в покое и не мешали заниматься тем, что ей нравится.

— Привет, — сказала я, поймав ее взгляд в зеркале над раковиной.

— Привет, — ответила она.

Я вынула из кармана пачку визиток. Самая верхняя была от Брендона из Пенсильванского университета, а затем шли еще четыре другие, которые мне удалось выманить у выпускников, представившись Хизер.

— Можешь писать когда угодно, они ждут от тебя сообщения.

Хизер смущенно взяла визитки, просмотрела имена и регалии.

— Мне нужно было всего четыре, — сказала она.

— Знаю, но я прихватила еще одну на всякий случай.

На самом деле Хизер не нуждалась в знакомствах с влиятельными людьми, как многие другие. Она владела трастовым фондом, и у нее не было никакой необходимости не только учиться в колледже, но и работать. Однако ее родители относились к тому типу людей, которым требуются доказательства, что их дети способны всего добиться сами. Поэтому Хизер предстояло оправдать целый ряд ожиданий, чтобы выглядеть в их глазах той самой «идеальной» дочерью, о какой они мечтали. Все это она озвучила две недели назад, когда обратилась ко мне с просьбой сделать для нее кое-что. К большому неудовольствию ее семьи, Хизер всегда была тревожной и неуверенной в себе, и вот теперь она предлагала мне крупную сумму денег за то, чтобы я добыла ей несколько визиток, которые можно показать родителям.

Я сочувствовала ей. Казалось бы, чего ее жалеть — она богата, — но постоянно подвергаться травле и унижениям со стороны собственной семьи, мягко говоря, неприятно. И никакой трастовый фонд не заполнит эту дыру внутри.

— Как думаешь, они поймут, что это была не я, если я когда-нибудь встречусь с ними лично? — спросила Хизер.

— Точно нет. Они уже забыли мое лицо. Я специально выбирала мужчин определенного типа — такие всех девочек считают одинаковыми и взаимозаменяемыми.

Хизер посмотрела на меня с сомнением, но мы обе понимали, что не имеет значения, права ли я.

— Все равно я, скорее всего, не буду с ними встречаться, — сказала она. — Родителям нужны визитки только как доказательство, что я не совсем безнадежна. Какая разница, что я буду с ними делать дальше. По-любому поступлю в Принстон, и все это знают.

— А ты туда хочешь? — спросила я.

— Неважно, куда я хочу. Это неизбежно. На двух зданиях университетского комплекса висят таблички с моим именем.

— Здания-то хоть хорошие?

— Спортивный и гимнастический залы, — скривилась она.

— Какое отношение богатые люди имеют к спортзалам?

— Это единственные здания, на которых еще можно размещать именные таблички, — объяснила Хизер. — На библиотеке было бы лучше, конечно.

— Ну хотя бы не на общежитии. — Я попыталась утешить ее. — Представляешь: грязные продавленные матрасы, старые трубы, следы рвоты.

— И не на столовой, — сказала Хизер. — Кому это понравится? — Она посмотрела на визитки, затем на мое отражение в зеркале. — Как тебе удастся завязать разговор с незнакомцами? Со стороны кажется, что для тебя это так просто.

— Мой папа всегда говорил, что существует бесконечное количество способов втереться в доверие, но три самых надежных — насмешить, сделать комплимент и засыпать вопросами.

При упоминании о моем отце она сразу притихла. Ну конечно. Иногда я забывала, что так происходит всегда.

— Еще хорошо прикинуться кем-нибудь другим, — добавила я.

— У тебя очень здорово получается, — сказала Хизер, доставая мобильный.

Через мгновение мой телефон завибрировал — пришла оплата.

— Спасибо, — сказала я.

— Это мне надо тебя благодарить, — ответила она, пряча визитки в карман. — Теперь отец отцепится от меня на несколько недель.

— Пусть назовет твоим именем какой-нибудь научный факультет.

Хизер слабо улыбнулась и выскользнула за дверь.

Я выждала немного, затем вернулась в битком набитый зал, схватила канapé со стола и вышла на улицу. Моросил дождь, в дымке огни фонарей казались расплывчатыми желтыми шарами. Школа Святого Франциска напоминала сейчас старинный монастырь, чьи тяжеловесные каменные строения должны были вызывать благоговение и трепет.

Оставшись одна, я заново перечитала загадочные сообщения.

«Люс». «Три». «Узнаешь, когда закончишь дело».

Не стоило мне в это ввязываться. Нужно было сразу отказаться. Держаться подальше. Канapé было сухим, но я все же съела его. Большинство проблем, с которыми ко мне обращались,

были банальны. Так, мелочи. Я была не против взяться за их решение, но, закончив дело, чувствовала себя такой же опустошенной, как и прежде.

«Хочу, чтобы ты проследила за Люс».

Что делать, если некто предлагает тебе возможность прикоснуться к той жизни, которая была у тебя раньше? Воспользоваться этим шансом?

Пока я ехала домой, дорога за окном с каждым взмахом дворников то размывалась, то становилась четкой.

Мое настоящее имя — Хана Ян Лернер. Мне семнадцать лет, и я учусь в выпускном классе школы Святого Франциска, одного из самых элитных учебных заведений в стране. У меня длинные черные волосы, как у мамы, и симпатичное овальное лицо, как у папы. Переносицу украшает россыпь веснушек — явный признак того, что я человек надежный.

Упомянув обо мне, СМИ обычно использовали различные эвфемизмы. Фраза «расцветает, превращаясь в красавицу» означала, что я достигла того возраста, когда на меня начали обращать внимание мужчины; под «экзотической красавицей» подразумевалось, что я смешанных кровей, а под «миндалевидными глазами» — что я частично китайка.

Всю свою жизнь я провела в Александрии, штат Вирджиния, живописном пригороде Вашингтона, где над каждым домом развевался американский флаг и каждый фасад был красиво и со вкусом украшен по сезону. Наша жизнь была похожа на картинку с поздравительной открытки. Спокойствие и без-

мятежность — умело созданная видимость того, что здесь никогда не происходило ничего плохого.

Все местные работали в округе Колумбия, в политических или околополитических кругах. И мои родители — тоже, так что и меня можно было назвать околополитической фигурой. Когда-то люди сулили мне яркое, светлое будущее, но все это осталось в прошлом.

Мы жили в старом таунхаусе в нескольких милях от дома, где я выросла. Переехали туда всего полтора года назад в бешеной спешке, при мысли об этом переезде мне до сих пор становилось нехорошо. Таунхаус я ненавидела. Формально в нем не было ничего плохого — стандартный дом со стандартными съемными квартирами, стандартно оформленными и обставленными стандартной мебелью. Он стоял на стандартной улице, где все дома были одинаковые. В этом-то и заключалась проблема. Для меня это было временное жилье, не принадлежавшее нам, и каждый раз, глядя на бежевые стены, или бежевый ковер, или бежевый диван, я вспоминала о жизни, которой мы лишились.

Когда я вернулась домой, на первом этаже еще горел свет. Ну конечно, папа не спал, смотрел новости, делая вид, что и не думает меня ждать.

— Ты представляешь? — сказал он, указывая на экран.

Наша собака, кавалер-кинг-чарльз-спаниель Руби, спала на кушетке возле папы.

Не зная, из-за чего он так разволновался, я ответила шутливо:

— Не представляю.

Папа постоянно переживал из-за новостей, он все еще не привык быть сторонним наблюдателем.

— Пап, тебе совсем не обязательно каждый раз дожидаться моего прихода.

— Я и не дожидался, но вообще-то обязательно, — ответил папа и, выключив телевизор, пошел за мной на кухню. Это была лишь наполовину шутка. Он всмотрелся в мое лицо. — Ну как прошел вечер?

Меня бесило, что он так волнуется, когда я ухожу одна.

— Нормально, — пробормотала я, заглядывая в холодильник. — А как ваше свидание?

Папа поднял глаза к потолку. Мама находилась в комнате прямо над нами, читала в кровати.

— Нормально.

Два раза в месяц родители вместе выбирались из дома якобы посидеть где-нибудь вдвоем, но я знала, что на самом деле они посещают семейного психолога. В нашей семье все делалось втайне, так уж было заведено. Главное — поддерживать видимость, что все в порядке, и у родителей это отлично получалось.

Взять, к примеру, моего отца Скипа Лернера, который много лет был сенатором Вирджинии от демократической партии. Любимец публики и СМИ, сияющий здоровьем, с открытым лицом и по-мальчишески взъерошенными волосами. Человек, не осведомленный о происшествиях последних двух лет, глядя на моего отца, никогда бы не догадался, что этому мужчине пришлось подать в отставку из-за случившейся Катастрофы — или, как говорили другие, краха, — после которой

наша жизнь полетела кувырком. По папиной улыбке нельзя было прочесть, что семейное судно дало течь, на борту не хватает кислорода, а пассажиры пытаются ухватиться за канаты, до которых уже не могут дотянуться.

В свою очередь, моя мама — прекрасная, элегантная Франсин Ян, бывший филантроп, — держалась так, будто все еще председательствовала в многочисленных благотворительных организациях. По выходным вечерами напролет примеряла дорогие наряды, словно ей было куда в них пойти; пыталась украсить наш таунхаус, чтобы создать видимость, будто мы по-прежнему богатые и влиятельные, — только бы отвлечь себя от мыслей о том, что практически все наше имущество распродано.

— Куда вы ходили? — спросила я у папы.

Мне вовсе не доставляло удовольствия смотреть, как он лжет; просто хотелось узнать, насколько далеко он зайдет.

— Да в тот маленький итальянский ресторанчик на берегу. — Он говорил так небрежно, что я почти поверила. Папа всегда умел хорошо притворяться. — Что, кормили плохо? — спросил он, глядя, как я пытаюсь соорудить себе сырную тарелку — а точнее, ассорти из остатков всего, что есть в холодильнике.

— Сам знаешь. — Я пожала плечами. — На таких мероприятиях еда на вид лучше, чем на вкус.

Папа согласно буркнул и стащил оливку с моей тарелки. Я думала, теперь он пожелает мне спокойной ночи и уйдет к себе, но вместо этого он уселся на стул напротив меня.

— Знаешь, большинство ребят твоего возраста в такой час жуют пиццу из морозилки, — сказал папа.

— Ты заглядывал в холодильник? Там особо не из чего выбирать.

Наверное, со стороны наша семья казалась обеспеченной, но на деле мы погрязли в долгах. Отчаянно погрязли. Занятые деньги мы тратили на мясные деликатесы и шардоне, а не на хлеб, яйца и молоко; на аренду таунхауса, который с трудом могли обустроить, и на два старых дорогих автомобиля, обслуживание которых нам точно было не по карману. В такие долги влезаешь из страха испортить имидж, от которого никак не можешь отказаться.

Папа улыбнулся и сжал мое плечо.

— Если бы я знал, что ты придешь голодная, принес бы тебе что-нибудь из ресторана.

И хотя мне было известно, что родители туда не ходили, все равно я почти поверила ему — так убедительно он это сказал.

— Ну ладно, — поддержала я игру, — тогда в следующий раз возьмите мне карбонару.

— Спагетти с телятиной гораздо лучше.

— Ты не можешь есть телятину, — не поверила я. — Это неpolitкорректно.

— Я больше не политик, и мне не надо быть корректным.

Он схватил последнюю оливку с моей тарелки, подкинул большим пальцем и поймал ртом — один из его самых эффектных трюков на вечеринках. Отец так часто делал, когда хотел меня рассмешить.

— Я сама собиралась ее съесть, — возмутилась я, но не держала и улыбнулась.

Папа состроил невинную физиономию и уставился на последний кусочек сыра манчего на тарелке.

— Даже не думай!

Он кивнул на мой телефон:

— Кажется, тебе звонят.

Я оглянулась, и в тот же миг, не дав мне сообразить, что это был отвлекающий маневр, он схватил сыр и, довольно ухмыляясь, отскочил к лестнице.

— Эй! — завопила я.

— Ш-ш-ш! — Папа заговорщически улыбнулся. — Маму разбудишь.

Я кинула в него курагой, но он увернулся, и сухофрукт влетел в стену.

— Тинейджеры со своими телефонами, — хмыкнул он. — Как же вас легко обдурить.

— Иди спать, — сказала я.

— Сама иди.

— Ты должен мне оливку и кусок сыра.

— Телятину.

Меня многие спрашивали, злюсь ли я на папу за то, что он сделал. Они ожидали услышать сложные объяснения со множеством нюансов. Но мой ответ всегда был очень прост: на отца невозможно сердиться.

Понятно, что в следующий раз не будет никакой телятины, но какая разница? В этом-то и заключается дар харизматичных людей. Им хочется верить, даже когда знаешь, что они лгут.

Глава 2

Не забыть Навсегда.

Мое первое воспоминание о Люс Эррера — эти слова, написанные маркером на тыльной стороне ее руки. Их было хорошо видно с моего места несколькими рядами дальше, так же как и облупившийся лак на ее ногтях и серебряный кафф на ухе.

Это был первый день в девятом классе, и среди моих одноклассников уже ходили разговоры о новенькой, которая перешла из частной школы в часе езды от нашей. Якобы ее оттуда выгнали, и никто не знает почему. Ее отец был нашим новым учителем истории.

Помню, как она положила книжку в мягкой обложке на учебник и читала ее, делая вид, будто не замечает, что все на нее смотрят. Как она оглянулась на меня и ни с того ни с сего закатила глаза, услышав, что я рассказываю друзьям о своих летних каникулах. Как в тот момент комната

вдруг словно сжалась вокруг меня, а шея и грудь залились краской.

Я тогда еще была популярна, ко мне прислушивались, мечтали засветиться рядом со мной. Казалось бы, какое мне до нее дело? Абсолютно никакого, твердила я самой себе весь урок, пытаюсь слушать учителя, но мое внимание упорно переключалось на ее книжку, на черный лак на ногтях, на слова, написанные на руке.

Что они означали? Меня бесило собственное желание узнать. Это была такая тупая попытка привлечь к себе внимание. И все же. Я пялилась на ее шею, туда, где тонкая золотая цепочка пряталась под воротник. В Люс была тайна.

Когда урок закончился, я сложила тетради в сумку и вышла в коридор следом за ней.

— Эй, — окликнула я ее нарочито громко, чтобы она услышала.

Люс обернулась с неожиданно уверенным видом.

На лице любой другой девушки слишком яркая подводка в сочетании с крупными чертами выглядела бы вульгарно, но на ней такой макияж смотрелся органично. От Люс словно исходил внутренний свет, и я была не в силах отвести от нее взгляда.

— Почему ты закатила глаза, когда обернулась ко мне в классе?

Она разглядывала меня с легкой насмешкой и любопытством.

— Потому что знала, что ты хвастаешься.

— Я разговаривала со своими друзьями.

Она снова закатила глаза:

— Окей.

— Может, не стоит подслушивать чужие разговоры?

— Ой, да ладно, ты практически умоляла присутствующих в классе обратить на тебя внимание.

— А ты нет? — спросила я. — Демонстративно читала книжку, чтобы все видели — происходящее вокруг тебя не интересует. Написала какую-то бредовую фразу на руке и только и ждешь, когда тебя спросят, что она значит.

Она вздернула бровь:

— То есть тебе самой не терпится узнать?

Я не могла понять, бесит ли меня она сама или то, что у нее получается видеть меня насквозь. А может, ни то ни другое, может, во мне разыгралось любопытство.

— Конечно.

На ее лице промелькнуло удивление. Она вызывающе склонила голову набок:

— А ты угадай.

— Слова из песни.

— Нет.

— Тогда из книги.

— Ближе.

— Экзистенциальные стихи?

— Дальше.

— Клятва мести.

Люс расхохоталась — громко и с удовольствием, и в этот момент я едва не забыла, что она мне не нравится.